

За плотными шторами дремал свет. Я постучал, шагнул в сени. Неловко выбрался из сапог. Скрипнула обитая войлоком дверь.

– Эй, хозяйева! Дома есть кто?

Тишина.

Отлучились в туалет? К соседям?..

Лампа с абажуром высвечивала пачку денег на столе. Голубые пятирублёвки, на вид около сотни. Тут произошло необъяснимое. Часть меня отделилась, взяла деньги и уверенно сунула в карман. А вторая с ужасом за этим наблюдала. Затем мы соединились в человека, почти бегущего по тёмной, грязной улице. В нем гипотетические прохожие опознали бы учителя Чучминской средней школы Вячеслава Михайловича Смирнова.

Это случилось давным-давно, в первой жизни. Сейчас у меня четвёртая. Однако причины той кражи мне все ещё не ясны. Начать с того, что в целом я – гражданин законопослушный. Не только из боязни уличения. И уж точно не из-за высоких моральных устоев. Похоже, дело в лени. Во-вторых, я не бедствовал: платили в школе сносно. Кроме своего предмета на меня взвалили два чужих. Мало ли, что сказано в дипломе – работать некому. Плюс тридцатка за классное, будь оно неладно. Плюс червонец за тетради...

А потратиться в деревне нелегко. Магазин пустой, закон сухой, короче, не Лас-

Вегас. Четыре почти бескорыстные дамы, но... Возраст и наружность тупиковые, даже после самогона. Кроме того, за этих «девушек» легко могло прилететь в ухо или глаз. И без девушек, впрочем, тоже. Такое местное хобби.

Около нашей избы я сдвинул придорожный валун. Потрогал землю – сухая. Быстро сунул туда деньги, вернул камень на место.

– Принёс? – крикнул Рубик из продавленного ложа.

– Кого?

– Уже хряпнул что ли? Ты за чем ходил-то?

– Нет. Их дома не было.

– Блин! Ну зашёл бы куда-нибудь ещё!

– Да погоди ты! Слушай.

И я рассказал ему про деньги. Зачем? Поделить на двоих груз наваждения, страха, чувства вины?..

– Где спрятал?? – Рубик приподнялся. – Слав, ты охренел? Здесь же кругом тотальная слежка. Надо принести домой и сосчитать.

Мы вышли под редкий дождь. Принесли, сосчитали. Действительно, сто рублей.

– Половину мне, – сказал коллега.

«За что?» – хотел спросить я. Но тут же понял, за что. Я бы ему все эти деньги отдал.

Рубен Катомян был последствием смешанного брака армянского отца (замначальника Ялтинской таможни) и русской мамы (начальника гаража КГБ). Как он с такой родословной угодил в самарский пед и чучминскую глушь, долго оставалось тайной. Однако за год в двухместной подводной лодке расскажешь о себе, что можно и нельзя. После школы Рубик трудился в службе гостиницы «Интурист». Попался на мелком валютном гешефте. Старики его, конечно, отмазали. Но мудро решили сослать куда-нибудь подальше. На всякий случай.

Думая о Рубике, я невольно вспоминаю фразу о том, что мир – театр и так далее. Известно, что большинство актёров – посредственности, годные только для массовки. Остальные делятся на имеющих амплу и универсальных. То есть, способных убедительно изобразить все: от Гамлета до его лошади.

То же в мире обычных людей. Подавляющая часть – биомасса, тире между датами, как замечено в старом фильме. У других мастерски выходит что-то одно, а прочее – так себе. Ну и есть многогранные таланты, вроде Ксении Собчак.

В институте Рубик считался отъявленным бабником. Имеется более точное непечатное слово, от которого я воздержусь. Соблазнить барышню на женском факультете – дело нехитрое. Спрос намного обгоняет предложение. Любому оболтусу, у которого в штанах есть что-то кроме сигарет и зажигалки, гарантировано внимание нежного пола.

Однако чтобы заработать амплу ловеласа высшей пробы, недостаточно менять девушек раз в семестр. Иметь несколько параллельных связей – тоже. Главное – талантливо об этом рассказать. Тут Рубик был вне конкуренции. Рассказывал затайливо, детально, подмигивая и чмокая губами в нужных местах. Где, когда,

сколько раз, обстоятельства, позы... Как та или иная пассия реагирует на его сексуальное мастерство. Вскоре эти байки друзьям наскучили. Отравленный славой Рубик переключился на более-менее юных кафедральных дам.

Они были якобы доступней, чем студентки. Подходили к делу творчески: знали «Камасутру», охотно шли на изощренный секс. В короткий срок Рубик (по его утверждению) отымел четырёх, две из них – замужем. Верилось ему с трудом. И всё же. И всё же...

Это внесло лёгкую изюминку в мои отношения с педагогами. Помню, «немка» Анна Соломоновна возмущалась:

– Чему вы улыбаетесь, Смирнов? Я не допускаю вас к экзамену, пока не отчитаетесь за все темы пропущенных семинаров. И в удобное мне время, а его почти нет. Ist es Ihnen klar?

– Ganz klar...

Я представлял, как Анна стонет в объятиях нашего мачо. И жить становилось чуток веселей.

Для усиления имиджа Рубик выучил пять аккордов на гитаре. Сочинил несколько душещипательных баллад. Мелодии и тексты звучали почти одинаково. Жуткий микс из хитов Кузьмина, Пугачевой и группы «Воскресение». Вспоминаю, например, такие пронзительные строки:

*...Как бедный художник разбитую скрипку
Утопит в бокале плохого вина...*

Я тактично намекнул автору, что художник, скорее, утопит палитру или кисти. Кроме того, скрипка вряд ли утонет в бокале, хоть на щепки ее разбей. Палитра, впрочем, тоже. «Это метафора, балда, – обиделся Рубик, – главное – в подтексте, между строк. Девчонки писают кипятком... Да что тебе объяснять!» Возражать я не стал. Факультетским мальвинам этот бред действительно нравился. Вскоре Рубик заменил «художника» на «маэстро». Скрипку оставил как есть.

Что происходит с таким человеком в условиях фатального дефицита женского общества? Правильно – он звереет, смысл его жизни утерян. В школе работали две местные незамужние учительницы. Обе подверглись домогательствам Рубика. И остались равнодушны, как дождь за стеклом. Испытанные годами методы здесь не работали. Физрук Люба с правильным телосложением и неправильным лицом откровенно издевалась над страдальцем. Учитель младших классов Лена, крупная, чуть заторможенная девушка, не сразу поняла, что от неё хотят. А осознав, произнесла старомодное: «Только после свадьбы. Но с вами – никогда». Жили учительницы вместе. Это в их доме я украл сто рублей.

Ночами Рубика терзали эротические сны. Он вставал, курил, искал на ощупь банку за печкой. Наливал стакан-другой, забывался кое-как. Изготовленная нами бражка редко попадала в аппарат. Едва в ней появлялись хоть какие-то градусы, мы ее, увы, выпивали. В меня этот напиток укладывался худо. На

рассвете я бывал в относительном порядке. Одевался, брился, заваривал чай. Пытался не смотреть в окно. Ландшафт на удивление гармонировал с похмельем.

– Ты идёшь? – спрашивал коллегу.

– Нет, – глухо доносилось из-под одеяла, – скажи там что-нибудь...

Дорога, тяжесть грязи на сапогах. Опостылевшее здание школы. Кабинет завуча.

– Тамара Семёновна, Рубен Генрихович заболел. Съел вчера что-то не то.

– Опять бражки напились?

Это звучит как утверждение. У Тамары Семёновны поблекшие, всезнающие глаза...

Мучений сотоварища я не разделял. У меня была постоянная девушка в Самаре. И ещё одна, поближе – в Альметьевске. С первой я встречался на каникулах. К другой теоретически мог ездить каждый выходной. Час по грунтовке до трассы и столько же на автобусе. Всего получалось – три. Время тогда двигалось неправильно. В реальности появились дыры. Месяц тянулся, как два. Зима казалась вечной. Снег внезапно превращался в дождь и наоборот.

Выбраться из Чучминки зимой удавалось исключительно на тракторе. Весне-осенняя слякоть останавливала даже трактора. Когда выпадала сухая неделя, десятиклассник-мотоциклист Лёха подбрасывал меня до асфальта. Лёха собирался поступать куда-то в городе. Я обещал ему четверки в аттестате по своим и Рубика предметам.

Альметьевскую девушку звали Клара Марковна (я не шучу). По занятому совпадению работала она вторым секретарём горкома комсомола. Чем конкретно занималась, ответить не смогла. Больше всего на свете Клара ненавидела скороговорку про украденные кораллы. Познакомились мы в Казани.

Осенью там проходило невнятное комсомольское сборище республиканского масштаба. От нашего района послали меня. Объяснили, что больше некого. Рубик тогда здорово надулся: он бы и сам прокатился в Казань. Чем он, собственно, хуже?

– Ты в зеркало давно смотрел? – не удержался я.

Рубик взял с тумбочки зеркало. Взлохматил чёрные локоны, удлинённые сзади. Иногда я прикалывался на тему заплести их в косичку или стянуть резинкой в хвост. Спереди Рубик напоминал колумбийского мафиози: опасный взгляд, щетина, тонкие усики.

– И что тебе не нравится? – злобно спросил он.

– Всё, – ответил я, – и это к лучшему. Иначе мы бы здесь стали гомиками.

Из Казани, охваченный городской эйфорией, я устремился в Самару. Неделю зависал в одной тусовке. Однажды вспомнил, что работаю в сельской школе на краю земли. То есть, рано или поздно надо туда выдвигаться. В автобусе Самара – Шентала безуспешно придумывал отмазку. Голова работала, как бетономешалка, думы ворочались медленно. Граница РСФСР и ТаССР встретила меня ледяным дождём. На автовокзале было мокро и вонюче. Среди

узлов и баулов вповалку дремал народ. Автобусы в Татарию не ходили.

– И давно такая погода? – спросил я в кассе.

– Недели полторы.

Ура! Думать больше не о чем – стихия всё решила за меня. За Шенталой кончился асфальт. Начиналась выбитая глинистая дорога. Сейчас она превратилась в грязный водоканал.

Я набросил капюшон. Добежал под навес автобусной остановки. Закурил. И что теперь? Из ниоткуда вынырнул армейский грузовик с шестью массивными колёсами. Я вяло голоснул.

– Тебе куда? – бросили из кабины.

– До Черемшана возьмете?

– Лезь в кузов.

– Спасибо!

Ливень звонко хлестал по брезенту. Полутьма и штормовая качка. В пластиковом окне мелькнул автобусик, увязший по стекла. Вероятно, тот самый, которого ждали люди в Шентале.

В райцентре чудеса продолжались. Сначала кончился дождь. Минуту спустя я увидел трактор. Наш чучминский трактор с гусеничным ходом! Он вразвалку полз, куда надо, тракторист приглашающе махнул рукой. Его сына Равиля я пытался научить английскому языку. «Я трактористом буду или шофёром, – заявил как-то Равиль, – на хрена мне ваш английский?» Я не знал, что ему сказать. И до сих пор не знаю.

Рубик выскребал жареную картошку из сковороды. Трезвый и злой, как волчара.

– А, явился, – выговорил он с интонацией, обычно предшествующей мордобою.

– И тебе не хворать.

Я знал, что драки не будет. Брутальная внешность Рубика скрывала человека дипломатичного и осторожного. Особенно в трезвом виде.

– И где тебя, млядь, носило? – продолжал он. – Я тут один, как... Как сука распоследняя... пашу за двоих. Шесть уроков в день! Ты обо мне хоть раз подумал?!

– Подумал.

Я выставил на стол бутылку «Русской». Затем ещё одну. Добавил палку твёрдой колбасы, ломоть сыра, четыре банки шпрот. Глаза коллеги потеплели.

– Я боялся, что ты не вернёшься, – сказал он после третьей, – всё, думаю, трындец. Один бы я тут загнулся. Только вешаться... или бежать. Признайся, была такая мысль?

– Была.

– Давай свалим вместе. Хоть завтра.

– Скандал будет. Закончим год и свалим. С армией что делать?

– Откосим как-нибудь. Я долго здесь не выдержу точно. Крыша едет на глазах...

В моей крыше тоже ощущалось движение. И пока (надолго ли?) хватало рассудка это осознать. Более всего меня угнетал дискомфорт как частное

проявление феноменального абсурда сельской жизни. Рубик не сильно парился из-за удобств. Мог долго не есть, легко терпел холод, грязную комнату, немытую посуду. Даже уличный сортир. Годы жизни в общежитии приучили его к аскетизму. Отключение воды, электричества, батареей, закуска вместо еды считались там нормой. На четвертом курсе Рубика выселили из общаги за аморалку и пьянство. Он снял дешёвую комнату, но через год был изгнан и оттуда.

Уломав родителей, я пригласил друга жить у нас. Это случилось за месяц до выпуска. Распределение уже состоялось. Мы просились в одну школу, неважно где, и огребли, за что боролись. Тогда у юношей на выходе из педвуза была альтернатива. Полтора года в армии или три – деревенским учителем.

Отслужившие знакомые советовали ехать в деревню. Я колебался – выбор из двух зол не бывает правильным. Но полтора убитых года все же меньше, чем три. «Нет, – сказал мой приятель, испытавший оба удовольствия, – запомни: самая плохая гражданка лучше самой хорошей армии». И вот приплыли. Н-да...

Сельскую местность хорошо любить наездами. Выйти, например, из джипа в поле. Глотнуть целебного воздуха, приправленного коровьими специями. Повстречав застенчивую церковь на холме, жадно щёлкать Кэноном. Чтобы фоном непременно – одуванчики, трепетная синь, контрастный лес вдали. Забрести в едва живую кособокую деревню. Художественно фоткать избы, похожие на лица старух. А вечером под коньячок сладко отдаться неизбывной русской тоске. Курить у печки, жалеть, что не родился в позапрошлом веке. Думать: Эх!.. Стояла деревня и сто лет, и больше. Люди жили, работали, верили во что-то, а теперь...

И наутро с облегчением убраться восвояси. В городскую жизнь с её фальшивыми улыбками и пустословием. Где интернет, писательский халат и мягкое сиденье унитаза. Но уже планировать следующий выезд, очередную подзарядку батареей в какой-нибудь идиллии семнадцатого века.

А остаться в этой идиллии на год-другой слабо? Не слышу. А-а... Вот так-то. Почта и хлеб – раз в неделю, и это удача. Большую часть года наши хлебные припасы лежат замороженными в снях. В селпо натоптано и душно, пахнет мокрыми собаками. Ассортимент: галоши с интимным нутром, тусклые консервы, макароны, слегка похожие на бревна. Подозрительные соки в трехлитровых банках. Банки в хозяйстве нужны. Томат-паста и дрожжи уносятся, как мухи на ветру. Паста идёт на бражку вместо сахара. И дешевле.

Ночью приспичило – есть ведро. По-большому тяжелее: надеваешь штаны, телогрейку, валенки, берёшь фонарик и – махом по сугробам. Чистить дорожку некогда. Внутри тоже надо действовать очень быстро. А если быстро не выходит, что тогда? Как ни странно, эта жизненная тема не получила достойного развития в мировой литературе. Вот читаешь, например, Джека Лондона. Герои мчатся на собаках по арктической пустыне. Тысяча миль в один конец, плевок замерзает на лету. Интересно, как они справляли нужды?

В печке трещина сверху до низу. Школьный истопник Петрович, угрюмый

алкоголик, замазал ее чем-то. «Но, – предупредил, – топите аккуратно, ребята, может взорваться». Это как, интересно, «аккуратно», если за окном минус тридцать?

Бани своей нет. По субботам ходим мыться к директору школы. Не за спасибо – мы ему картошку выкопали осенью. После бани нас зовут к чаю. Дом – новый, просторный, один из лучших в селе. Уютный кухонный гарнитур, бормочет цветной телевизор. Гордость директора – тёплый клозет, хитрая система обогрева, подачи и смыва воды. Жаль, по-большому сходить не удалось... Получасовое ощущение нормальной, городской квартиры. С тоской возвращаемся в нашу избу.

Весной баня кончилась. Отмечали юбилей пожилой учительницы. Рубик закосел и вышел на крыльцо отлить. Вдруг появляется жена директора Елена Ивановна.

– Рубен Генрихович, что это вы здесь делаете?!

– Будто сами не видите.

Мой друг невозмутимо застегнулся и говорит:

– Хотите, исчезнем по-тихому? А потом незаметно вернёмся...

После этого директор осатанел. На работе цеплялся по делу и без. И никакой бани, конечно. Мылись в тазу, поливали один другого из чайника. С мая ходили на речку. Осклизлый берег, ледяная вода по щиколотку, коряжистое дно травмирует ступни... Лёг, встал, намылился. Снова лёг.

Дыры в реальности к тому времени опасно увеличились. Космическая пустота бессмысленно таранилась из них. Бытие расплзлось, как изношенная кофта. По выходным наша изба погружалась в раздражённое молчание. Рубик тренькал на гитаре, ладно, хоть не пел. Его гнусавый тенор осточертел мне до желудочных спазмов. Я перечитал все детективы, имевшиеся в библиотеке. Потом взял увесистый том Блока, думая освоить его за неделю. Однако застревал почти на каждой строфе. Всмотривался в буквы, твердил про себя, как маньяк: «И голос был сладок, и луч был тонок, и только высоко, у Царских врат причастный Тайнам, – плакал ребенок о том, что никто не придет назад. О том, что никто. Не придёт назад. О том. Что никто. Не придёт. Назад...»

Мы почти не разговаривали, всё было сказано. Только цапались из-за всякой мелочи, будто грызуны в клетке. Кому идти за водой, мыть посуду, готовить еду... В итоге решили: делает тот, кому первому надо. Первым всегда оказывался я.

Рубика бесили мои отлучки в Альметьевск и письма из двух городов. Меня – его лень и косяки, точнее, их последствия. Однажды затемно Рубик, приняв для храбрости, двинулся на танцы в клуб. Вернулся с очень нетрезвой дамой шалавного типа. Звали ее Людмила – домохозяйка, без комплексов, живет с матерью и сыном. Отец ребёнка, как говорится, пожелал остаться неизвестным. – О-о, класс, – зевнула Людмила, – я отдохну у вас немного, пацаны. А после можно и романсы, ой...

Гостью качнуло. Путаясь в ногах, она выкарабкалась из сапог. Затем рухнула на мою койку и отключилась, как тумблером щелкнули.

– Хочешь, трахнем ее вместе? – предложил коллега. – Только я первый.

– Ты что, – говорю, – дебил? Это же статья.

– Твоё дело.

Рубик присел к Людмиле, начал расстегивать пуговики. Я, захватив сигареты, вышел на крыльцо.

С минуту в избе было тихо. Потом донеслась возня, голоса. Что-то упало, по звуку – табуретка. Выбежала Людмила, разгневанная и почти трезвая.

– Сука! – кричала она, застегиваясь. – Козел! Изнасиловать хотел... Я что, за этим сюда шла?!

«Нет, – подумал я, – ты шла смотреть нашу коллекцию Ван-Гога».

– У меня парень есть, – не унималась гостья, стоя у калитки, – все ему расскажу!

Он вас обоих, козлов, порежет!

Слова «вас обоих» мне крайне не понравились. Появился Рубик с озадаченным лицом.

– Ты слышал, что она кричала? – спросил я.

– Слышал. Фуфло это все...

Оказалось, – не фуфло. Через полчаса к нам зашел десятиклассник Лёха. Он жил поблизости и часто заглядывал на стаканчик. Пару раз одалживал нам самогонный аппарат. Осенью добыл бензопилу, помог наколоть дрова.

– Это не от вас сейчас Людка убежала?

Такова деревенская осведомленность. Лёха подтвердил, да, есть один кент в соседней деревне, Федя Шилин. Недавно откинулся. Встречался с Людмилой ещё до зоны. Погоняло, естественно, Шило. И сидел, как нарочно, за драку с поножовщиной. Настроение ухнуло в подпол.

Ещё через день Лёха сообщил, что Шило якобы узнал про инцидент и грозился навестить учителей. Рубик спал с топором под кроватью. Я удовлетворился молотком. Лёха, дай Бог ему здоровья, сидел у нас допоздна каждый вечер.

– Вдруг не один зайвится, – пояснил он, – втроём ловчее отобьёмся.

– Может, не придёт?

– Придёт.

Девять вечера, играем в карты. Стук в окно и незнакомый голос:

– Эй, учителя! Открывай, поговорить надо!

Я приоткрыл форточку.

– Это кто?

– Конь в пальто!

И уже стучат в дверь.

– Кажись, один, – выдохнул Лёха.

– Слав, иди открой, – тихо сказал Рубик.

– Твой косяк, сам и открывай!

– Я открою, – Лёха шагнул в сени.

Рубик придвинул его табурет. Положил на сиденье топор. Укрыл полотенцем.

Вошёл неприметно одетый, квадратный человек в сапогах. Не оставил снаружи, гад, а я вчера полы мыл... Лёха тормознул у двери за его спиной. Незванный гость внимательно осмотрелся. Гладкая опасная физиономия. В глазах кураж и любопытство.

– Ты что ли Рубик?

– Допустим, – сказал Рубик, – и что?

Выглядел коллега собранно и зло. Почти Антонио Бандерас в фильме «Наемные убийцы». Это была маска от страха, но хорошая.

– А я Фёдор Шилин, слышали?

– Слышали, – рука моего друга скользнула к топору, – прямо здесь будешь резать или выйдем?

– Резать? – бандюга улыбнулся серыми зубами. – Кого? За Людку что ли?? Да вы заучились, пацаны! Кому нужна эта шалава? Я вообще-то познакомиться зашел.

Он вытащил из-за пазухи мутную бутылку, заткнутую куском газеты.

– Занюхать найдётся?

– Найдём, присаживайся.

– Ща, погоди, я обувь снять забыл...

Час спустя Рубик и Шило сражались в блэкджек по-русски. Мой коллега отважно выиграл три рубля. Он всегда играл удачливо, тем более на деньги. Как говорил Энди Такер, не могу проигрывать, когда ставят настоящие деньги. Рука не поднимается, пальцы бастуют...

Последние месяцы в Чучминке запомнились мне лишь фрагментами. Их с ненужной четкостью зафиксировала память. Контекст истлел, точно вязкий, болезненный сон.

У меня открытый урок литературы в девятом классе. Тема: основные идеи романа «Преступление и наказание». Я убедительно разоблачаю концепцию сверхчеловека, говорю о двух нравственных законах, о высоких целях и гнусных средствах. Вспоминаю бомбистов-народовольцев, Ленина и даже Мао Цзэдуна. Проверяющие скептически качают головами. После их ухода я задерживаю класс.

– На дом – сочинение по этой теме. Кто перепишет хоть слово из учебника – двойка. За свои мысли – пять баллов.

– А можно коротко? – интересуется галёрка.

– Можно. Главное – своё.

В первой же тетради я читаю: «Ваш Раскольников убийца и вор. И место ему в тюрьме». Поставил «отлично», а куда деваться?

Двоечник Талгат Мухаметзянов не явился на контрольную по алгебре. Работа итоговая: листки с печатями, задания в конверте. Я – его классный руководитель. Завуч отправляет меня к прогульщику для выяснения и эскорта. Иду и размышляю: вряд ли Талгат заболел. Такие индивидуумы жизнестойки, как сорняки. Вероятно, пашет на семейном огороде... А он валяется на печке. Спит. Отодвинул занавесочку, свесил лохматую голову: «Чё зря позориться, все

равно двойка. Не пойду. Похер мне эта алгебра со школой вместе. И больше не лезьте ко мне».

Послать бы его... да, но – отчетность, районо... И пожилая математичка (та самая, у которой был юбилей: то ли в школе пятьдесят лет, то ли вообще) несёт паршивцу контрольную домой. И там диктует решения – с ошибками, на троечку. Ошибки дались ей труднее всего.

Посевная, горячие дни. Вдруг – происходит нечто фантастическое, можно сказать, диверсия. В сельпо завозят шесть ящиков коньяка. Многие не верят, бегут смотреть. Не забываем: время крайне тяжёлое – рулит минеральный секретарь. Люди годами живут без культурных напитков. Магазин в осаде. Продавщица уступает натиску масс. Через полчаса коньяк распродан.

Посевная временно отменяется. Замирает сельхозтехника, тишина в полях. Уложив коньяк, сельчане переходят на домашние изделия. Утренняя передача «Говорит Казань» обрывается на слове «хебердарлык». Звучит взволнованная речь председателя колхоза Супонинского. Даже тембр его голоса какой-то нецензурный. «Чуть не углядел, – кричит председатель, – а они, б... воспользовались! С... сс.. Совести у вас нет! Отсеемся – и жрите на здоровье! Но завтра, то есть, сегодня чтобы все как штык... А не то... Волков, Егор! Сам же бригадир, мать твою! Если ты ушёл из дома, ты думаешь, мы не знаем, где ты есть? Ты у Зинки Лашмайкиной пьёшь в сарае – третий день! Егор Иванович, дорогой, выходи на работу. Станешь дальше бегать – мы тебя найдём и засунем... Нет, лучше выходи, Егор».

За неделю до отъезда из Чучминки мы приняли участие в ещё более мистическом событии. Добрые волшебники наверху снова что-то перепугали. Короче: в сельмаг завезли три бочки пива. Да не какого-нибудь, а чешского! И уже отпускали в разлив. Рубик, проходивший мимо, ущипнул себя за глаз. Затем метнулся в сберкассу. Купил целый бочонок с логотипом «Pilsner Urquell» и прикатил его домой.

Вечером того же дня к нам потянулись ходоки. Наутро их поток усилился. Пиво бойко шло втридорога. Кое-кто из гостей начинал банкет прямо у нас. Параллельно мой друг обыгрывал желающих в карты. Ставки быстро возросли с пяти копеек до рубля. В избушке сделалось накурено и тесно. Незаметно появился самогон.

Стоит ли рассказывать о том, что было дальше? Как я долго обнимался Бог знает с кем, щетинистым и потным. А тот вдруг оказался истопником Петровичем. Как, едва не прослезившись, заявил, что остаюсь в Чучминке навсегда... Как изрядно окосевшая Людмила убеждала Рубика трахнуть в знак примирения... А потом мой друг на бис исполнил «Скрипку»... А потом десятиклассник Лёха одолжил ему свой байк... Как Рубик под аплодисменты оседлал машину и тотчас навернулся в лопухи...

Да, он неслабо отвязался по весне. А я... всего-то-навсего похитил сто рублей. Злодеяние осталось нераскрытым. Его и не расследовали вроде.

И всё-таки зачем? Зачем я стырил эти деньги? Долгое время я объяснял это

стрессом, частичной потерей рассудка. Что, возможно, прокатило бы в суде... Но есть и Божий суд, как уточнил поэт. И там потребуют серьёзных доказательств.

Я искал их тридцать лет – не то чтобы слишком усердно. Как-то из трясин бессознательного выплыл, пузырясь, давнишний эпизод. Настолько мелкий и вонючий, что я сомневаюсь, произошёл ли он в действительности. Короче. Был у меня в институте такой приятель Сид. Книжный фарцовщик, великий спец по запрещённой литературе. От него я впервые услышал стихи Гумилева и Бродского. Из его рук получал «до завтра» тамиздатовские книги Набокова, Лимонова, Оруэлла.

Мне нравилось бывать у Сида дома. Рассматривать дефицитные корешки на полках, выпивать, беседовать об изящной словесности. Нравилось – до одного события. Как-то вечером он звонит.

– Слушай, такое дело... в общем... У нас дома пропали сто рублей. Ты случайно не брал?

– Ты с дуба рухнул? – говорю. – Конечно, нет. И что значит, случайно?

Случайно можно... в дерьмо наступить. Ты меня подозреваешь что ли?

– Нет. Но... Сегодня, кроме тебя, чужих в доме не было.

– Значит, вчера потеряли! Спрятали куда-нибудь, забыли...

– Да нет! Мать точно помнит, что...

– погоди. Ты же со мной был... Как я мог их взять?

Эге, – думаю, – а ведь я уже ему подсказываю.

– Я выходил из комнаты. Не в этом дело. Слав, если тебе нужны деньги... Ну, мало ли, бес попутал... Ты их оставь себе, а потом вернёшь... когда-нибудь.

– Да пошёл ты!

Я повесил трубку.

Ночью я плохо спал. Донимало нелепое чувство стыда. Приятель без тени сомнения обвиняет меня в краже. Что со мной не так? Или всё же – с ним? Это проекция, – убеждал я себя, – кому легко заподозрить другого, тот сам – латентный вор. К утру я почти верил, что украл эти деньги. Решил занять где-нибудь столик и швырнуть ему в лицо. Лучше мелкими купюрами, чтобы долго собирать.

Сид отловил меня на перемене. По его суетливому оживлению было ясно, что деньги нашлись.

– С меня кабак, братан! – он завладел моей рукой. – Мать сунула в белье и забыла! Совсем мышей не ловит. Все понимаю, эксклюзми, сорри... Но и ты меня пойми.

Эх, надо было плюнуть в его улыбочку. Но вшивая интеллигентность снова победила.

– Проехали, – сказал я.

Кстати. Через несколько лет Сид работал заместителем директора в посреднической фирме. Его туда пристроил владелец, школьный друг. И однажды – вот сюрприз! С помощью нехитрой финансовой аферы Сидди обувает бизнес друга на тридцать штук зелёных. Конечно, был разоблачён,

ободран до нитки и выпиннут под зад.

– Зачем? – спросил я. – Чего тебе не хватало?

– Не знаю, – поморщился он, – бес под руку толкнул.

Итак. Там и здесь – сто рублей. Совпадение? Нет... Тут надо уловить систему. Меня несправедливо обвинили в краже денег. Я страдаю ни за что, другая чаша весов пуста. Затем, чтобы восстановить некий метафизический баланс, я действительно краду эту сумму. Безнаказанно. Обстоятельства значения не имеют. Но как все сошлось: финал ужасного года, туман в голове, пустой дом... Направленный свет лампы. И неумолимая пачка купюр на столе. Иногда они возвращаются. Привет из минувшего, Слава.

Мне часто снится эта деревня. Один и тот же мутный сон, бредятина в жанре нуар. За каким-то дьяволом я снова прибываю в Чучминскую школу. Директор хмуро подписывает бумаги, он все ещё зол на меня. Однако работать по-прежнему некому... Я иду по коридору. Невнятные приветствия коллег, смешки и глумливые взгляды учащихся. Сейчас мне придётся зайти в класс и начать урок. Разумеется, я не готов. Господи, забери меня отсюда! «Опять бражки напились», – вздыхает завуч Тамара Семёновна...

Безжизненный свет зимнего вечера, уже наваливается тьма. Снег резко хрустит под ногами. Кончается улица, за ней – придавленные небом холмы до горизонта. Крайние избы, размытые пятна окон. В нашей кто-то есть. Я догадываюсь – кто, вернее, знаю. Обиваю валенки на крыльце. Где-то здесь должен быть веник...

Человек курит, сидя у печки. Он еле узнаваем. Да он ли это? Телогрейка, седые космы. Из морщин выглядывают тусклые глаза. «Приехал все-таки, – говорит он, – а я думал, ты не вернёшься. Ничего, теперь поработаем вместе. Целая вечность впереди».

Проснувшись, я не иду в душ, чтобы смыть остатки кошмара. Все равно не получится. Я лежу и пытаюсь разобраться: зачем он изводит меня. Что важного скрывает этот год? Тогда я ещё не осознал, где мне стоит жить и как. Но точно понял, где и как мне жить нельзя. Я бессвязно думаю о том, что все мои последующие жизни есть по сути бегство из села Чучминка Татарской ССР. О том, что восемьдесят седьмой никуда не делся, а прячется за тонкой пеленой разделяющих нас лет. О том, как нелепо искать за ней ответа. О том, что никто не придёт назад.